Оглонги

Наверно, навсегда запомнится
Мне это милое село
С дорогой пыльной за околицей,
С рекою гладкой, как стекло.

Там утром возле старой пристани
Гудят надсадно катера,
И тишина стоит таинственная
Над речкою по вечерам.

Вдоль узких улиц дремлют домики,
И год от года по весне
Во всем селе стоят черемухи
Под окнами белей, чем снег.

Когда мальчишкой на рассвете
Летел к реке я как стрела,
Казалось, что нигде на свете
Нет лучше этого села.

Не потому ли слишком тускло
Светило солнце летним днем,
Не потому ли было грустно
Мне расставаться с тем селом.

Амур, необозрима твоя ширь,
До горизонта сопки, горы, мари,
Места на удивленье хороши,
Мы все зовем их Родиною малой.
Но, боже мой, хоть как их назови:

Отчизна, Русь или родные веси —
Они в душе у нас живут, как песни,
Они у нас с рождения в крови.
И потому нам целый мир — чужбина,
И потому мы в памяти храним,
Что близко нам
и что, как дочь иль сына,
Не променяем и не предадим.

Опять багульник на горах расцвел,
Он склоны разукрасил дивным цветом,
И трудятся без устали с рассвета
До самой темноты армады пчел.
Какая красота сейчас в лесу!
Там бродит благодать на мягких лапах,
А пчелы все несут,
несут,
несут
Нектар, пыльцу и меда чудный запах.

Под ветром, за окном
Акации дрожат,
Смеясь, вбегаешь ты
По-летнему свежа.

Я тих —
мне хорошо,
Я добр —
как этот дом
Средь загородных дач,
Где мы с тобой живем.

Я позабыть, пожалуй, не смогу
Ту девушку,
которую я встретил
В сезон дождей и гроз на склоне лета
Однажды на пустынном берегу.

Та девушка стояла у воды,
С надеждою смотрела вдаль упорно,
Ее едва заметные следы
Заглаживали медленные волны.

В ее глазах была тоска и боль,
С ней ветер вел унылую беседу...
Она была похожа на Ассоль,
На ту,
нам о которой Грин поведал.

Я навсегда запомнил ее взгляд,
Застывший у черты заветной цели...
А над Амуром полыхал закат
И парусами облака алели.

Седой Амур и грозен, и глубок,
Тайга по берегам шумит устало,
Бросает ветер волны на песок
И гонит над землею тучи стаей.

Амур, Амур! Тебя я узнаю
По крику чаек и дурной погоде,
Скажи, о чем ветра твои поют,
О чем гудят трудяги-теплоходы?

Амур, Амур, крепка твоя рука.
С тобой не в силах кто-нибудь бороться...
Как щепки ты швырял на берега
Тяжелые плоты первопроходцев.

Но те, кто, уходя на край Руси,
Перед тобою все же устояли,
На берег выйдя,
Выбившись из сил,
Рубили хаты и детей рожали.

Они слагали песни о тебе,
Я знаю их!
Я слышал их от старцев...
И не случайно ты в моей судьбе
Навек незабываемым остался.

Затихло время сенокоса,
Окончен летний тарарам,
И королевой бродит осень
По разноцветным берегам.

Ей чудно все,
и все забавно
И необычно,
Как же так,
Ведь здесь еще совсем недавно
Был настоящий кавардак.

Кругом вовсю галдели птицы,
И даже ветер-балагур
Без опасения разбиться
Нырял в рассерженный Амур.

А он, суровый и огромный,
Всю мощь сжимая в кулаке,
Грозил ему,
и пели волны
На немудреном языке.

Б. Ласкину, автору песни «Три танкиста»

Вглядываясь в сумрачные дали,
Я грущу, в душе сплошной сумбур,
Вспоминаю, как мы распевали
Песню про границу и Амур.

Как гоняет ветер тучи хмуро,
И про пограничников-ребят,
Как они у «берегов Амура
Часовыми Родины стоят».

Годы пролетели, словно пули,
Аж над головой был слышен свист.
Кажется, мы здорово уснули
И не слышим, как трубит горнист.

Вновь и вновь гляжу я в даль Амура
И пою все чаще я опять:
«На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят...»

На пристани стояла,
Грустила или нет?
Наш теплоход отчалил,
Оставив белый след.

Родная деревушка —
Все дальше от меня.
Какая-то старушка
Стояла у плетня.

А люди покидали
Медленно причал,
И кто-то:
— Галя! Галя!
Нам долго вслед кричал.

И ты, вся голубая,
По глади не спеша,
Казалось, как святая,
За теплоходом шла.

Сулук

Сулук — таежная река...
С седых вершин,
С крутых отрогов
Летишь и рушишь берега
И громыхаешь на порогах.

В тебе размашистая сила,
Неудержим характер твой.
Как ты отчаянно косила
Деревья полою водой!

Несла коряги и каменья,
Не признавая тишины,
Обескураженно таймени
Шарахались из глубины.

Раздолье буйное, потеха!
Шиверы враз преодолев,
Обрушивала долгим эхом
В распадки неуемный смех.

Сумерки

Пространство осенней земли
Пронизано вечным покоем,
Мерцает в вечерней дали
Рыбацкий костер за рекою.

И неба неброский витраж,
И сумерек облик туманный,
Как будто Куинджи пейзаж,
Как будто этюд Левитана.

Присяду в тени тальника
И удивленья не скрою,
Услышу, как издалека
Доносится что-то родное.

На глади играющий блеск.
Ударь! — и как льдинка расколется.
Затишье... Вдруг слышится плеск,
Свист лески и звон колокольцев...

Г. И. Невельской

На пути ураганов и гроз,
Где ветра заполошные воют,
Возвышается Тырский утес,
Как никем не поверженный воин.

Он свидетель невзгод и побед,
И хотя его статус негромкий,
Чтут его уже тысячи лет
Земляки, старожилы, потомки.

Резво бьется Амур возле скал
С оглушающим многоголосьем...
Капитан Невельской, ты стоял
Вот на этом великом утесе.

Капитан, ты на Запад взирал
Прозорливо из мест захолустных
И, в грядущее веря, сказал:
— Чужаков на Амур не допустим!

Капитан, благородную цель
Ты пронес через все океаны,
На исхлестаном ветром лице
Проступают морщины как раны.

Это след безвозвратных потерь
Тех, кто шел за царя и отечество.
Чем измерить утраты теперь
Благородных сынов человечества?

Их корежила боль и беда,
Или смерть без разбора косила...
Но поет о них Славу вода,
Для России поет. Для России.

Нерест

По бурунам,
По перекатам,
Чертя пространство вкривь и вкось,
С энергией невероятной,
Резвясь, на нерест пер лосось.

Да это ж чудо, а не рыба!
Ведь там, где водопад ревел
И пенился, сдвигая глыбы,
Лосось стремительно летел.

Он к цели шел по речкам горным,
И приступом,
За валом вал,
Он так легко, упорно, споро
Заторы преодолевал.

Он шел маршрутом неизменным,
Как будто вырвался из пут,
И даже хищные таймени
Ему не преграждали путь.

Вначале минули большак,
Потом овраг с цветной водою
И в лес вошли,
И березняк
Склонился низко над тропою.

Кругом стояла тишина,
Скользили тени голубые,
И я подумал не впервые:
«Как жаль, что муж мы и жена!»

О чем-то будничном слова,
Но все бы стало по-другому,
Когда б еще едва-едва
С тобою были б мы знакомы.

И березняк, своей листвой
Склонившись низко над тропою,
Не так звенел бы надо мной,
Не так играл бы над тобою.

Люблю свои амурские места.
Давным-давно мальчишкою беспечным
О как мечтал я бакенщиком стать
И жить вдали от сутолоки вечной.

Я думал: это ж здорово, когда
Твой дом уютный высится над речкой,
А под окошком светлая вода
Бежит, как годы, далеко-далече.

Я думал: как прекрасно налегке
Сесть в лодку на рассвете,
вскинуть весла
И знать, что каждый стук твой по реке
Издалека опять к тебе вернется.

Там не познаешь ни обид, ни бед,
И сам не оскорбишь вовек кого-то,
В местах известных только лишь тебе
Тайком от всех поставишь переметы.

Зазря не станешь ближнего винить,
Наговорив семь коробов напрасно...
И бакенов сигнальные огни,
Благодаря тебе, не будут гаснуть.

Крикливые птицы давно улетели на юг,
Уже подморозило,
Ветром суровым подуло,
И скоро метели обрушатся с севера и запоют,
Завоют жестоко над далью широкой Амура.

Стою зачарованный,
Зябко,
Но все же рука
Невольно взметнется,
замрет
и махнет теплоходу,
Который блуждал где-то долго и вот,
Как последний из Могикан,
Бежит бодрячком,
Разрезая холодную воду.

Торжественная музыка звучала,
Напоминая прошлое, и вот
Вдруг сердце исступленно застучало,
Когда увидел я,
как от причала
Отходит величаво теплоход.

И у меня отяжелели веки,
И пеленой подернулись глаза.
Шипенье волн донес до слуха ветер,
Шел теплоход,
с которым я навеки
Давным-давно судьбу свою связал.

Шел теплоход, как в праздники и будни,
Гудком прощальным расстревожив даль,
По палубе прохаживались люди,
А за кормой вся в бликах изумрудных
Кипела возбужденная вода.

Жара насквозь пронизывала лето,
А теплоход, ложась на курс, гудел,
Он, видимо, гудком уход отметил,
Я вслед глядел и даже не заметил,
Как стихло все и берег опустел.